

A.B. Нагорная
**ДИСКУРС НЕВЫРАЗИМОГО:
ВЕРБАЛИКА ВНУТРИТЕЛЕСНЫХ ОЩУЩЕНИЙ:**
Реф. книги. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 320 с.

Ключевые слова: инteroцептивное ощущение; тело; телесность; когнитивное моделирование; вербализация.

В монографии А.В. Нагорной изучаются способы вербализации инteroцептивных ощущений в современном английском языке. Под «инteroцептивными ощущениями» в работе понимаются сигналы, локализуемые во внутренней среде организма и характеризующие его физиологическое состояние. Оценка этого состояния, как показывает автор, осуществляется в определенной системе смысловых координат, которые человек вырабатывает в процессе приобретения разнообразного телесного опыта. Несмотря на то что этот опыт сугубо индивидуален и физиологически обусловлен, процесс его формирования опосредуется и направляется той социокультурной средой, которой принадлежит человек. Эта среда регулирует объем подлежащего оценке телесного опыта, а также предлагает определенный набор объяснительных схем и интерпретативных моделей, которые были выработаны в ходе ее исторического развития, активно популяризуются через бытующие в ней дискурсивные практики и подсознательно усваиваются человеком наряду с другими видами знания. Автор ставит перед собой задачу доказать, что «даже в самых смелых когнитивных экспериментах перципиент остается в границах “инteroцептивного концептуария” той культуры, которой он принадлежит» (с. 143).

Работа состоит из предисловия, введения, четырех глав, заключения и списка литературы.

Во введении автор кратко излагает историю изучения инteroцептивных ощущений, показывает релевантность инteroцептивной проблематики для лингвистики, подчеркивая неразрывную связь внутрителесного ощущения со словом, и обозначает лингвокогнитивную перспективу исследования: «Слово сказанное всегда оказывается и словом говорящим: оно сообщает нам о том, как в данном сообществе принято интерпретировать внутрителесные ощущения. Оно обеспечивает нам доступ к тем “устойчивым ментальным привычкам”, которые выработались, выкристаллизовались в нашей культуре в результате многовековых попыток понять, что происходит в том <...> пространстве, которое мы называем своим телом» (с. 13). Кроме того, автор формулирует перспективы дальнейшей разработки темы, указывая на возможность сравнительно-сопоставительного изучения инteroцептивных дискурсов с привлечением данных разносистемных языков и культур разного типа, диахронического и переводческого исследований и др.

В главе первой описываются методологические основы лингвистического изучения инteroцепции. Автор обосновывает необходимость междисциплинарного подхода к изучению инteroцептивных ощущений, подчеркивая, что такой подход позволяет реализовать «принципы системности, преемственности и непротиворечивости в описании телесных феноменов и обеспечить большую степень верифицируемости данных, получаемых в ходе специализированных узкодисциплинарных исследований» (с. 19). Автор поясняет, что в работе принят инструментальный междисциплинарный подход, суть которого заключается в том, что исследователь заимствует идеи из других дисциплин и применяет их понятийный аппарат и методики, не создавая отдельной, самостоятельной отрасли знаний. «Инструментальный подход позволяет сохранить четкие рамки исследования (в нашем случае – лингвистического), при этом более основательно фундировав его, максимально логично и непротиворечиво вписав его в общий научный контекст» (с. 20).

Этот общий научный контекст рассматривается в разделе 1.2 монографии. Освещаются лингвистически релевантные философские концепции тела (Г. Марсель, Ж.П. Сартр, М. Мерло-Понти, М.М. Бахтин, У. Матурана и Ф. Варела и др.), анализируются подходы к телу и телесным процессам, существующие в современной

психологии (А.Ш. Тхостов, Г.Е. Рупчев, О. Кэмерон и др.) и культурологии (С. Фишер, А. Кляйнман, В.Л. Лехциер и др.). Определяются методологические подходы к лингвистическому изучению интероцепции. Автор настаивает на необходимости не анатомического, а феноменологического подхода к телу, предполагающего изучение его живых динамик «в той форме, в которой они воспринимаются и переживаются человеком» и подчеркивающего «несводимость тела к единому стандарту» (с. 58).

В главе раскрывается эвристический потенциал теории во-площенного значения (embodied meaning – М. Джонсон, Дж. Лакофф, А. Кларк, А. Дамазио и др.). Согласно этой теории, основными типами умений, влияющими на осмысление предметов и явлений мира, являются общение, перцептивное взаимодействие с окружающей средой и движение. «Все эти умения естественным образом предполагают участие тела – его перцептивные качества, моторные функции, пространственное положение и способность испытывать желания и эмоции. Эти способности одновременно телесны, аффективны и социальны» (с. 47). Именно эти умения, по убеждению автора, и лежат в основе осмысления индивидуального интероцептивного опыта.

Раздел 1.4 посвящен терминологии телесноориентированных исследований. В нем представлено толкование базовых терминов (тело и телесность, схема и образ тела, телесный опыт, экспериенцер и перципиент) и освещены спорные моменты в их употреблении.

Глава вторая посвящена проблеме когнитивного моделирования интероцептивных ощущений. Внутреннее тело и локализуемые в нем ощущения рассматриваются автором как часть субъективной реальности человека. Их познание сопряжено с определенными трудностями, определяемыми, в первую очередь, их феноменологической спецификой. Рассуждая о феноменологических свойствах интероцептивных ощущений, автор указывает на перманентный характер их восприятия, специфичность канала восприятия, внесоциальность и принципиальную неверифицируемость, а также изменчивость и неконтролируемость. Более емкое определение содержится во введении, где автор описывает свойства интероцептивных ощущений как единство пяти «не»: «ненаблюдаемость (принципиальная невозможность зрительного восприятия), нестабильность (постоянные изменения в локализации и интенсивности сигналов), неконтролируемость (невозможность осуществления сознательного контроля со

стороны перципиента), неверифицируемость (невозможность проверки “истинности” интероцептивного опыта), неразделимость (принципиальная невозможность предоставить часть своего интероцептивного опыта для переживания Другому)» (с. 12). Уникальность эпистемологического статуса интероцептивных ощущений в западной культуре определяется, по мнению автора, и сформировавшимися в ней особенностями человеческого сознания, к основным из которых относятся необходимость выстраивания позиции наблюдателя по отношению к осмыслием явлениям и ретроспективность, выражаясь в невозможности симультанной оценки возникающего ощущения.

Рассуждая об общих принципах когнитивного моделирования интероцептивных ощущений, автор исходит из концепции когнитивного пространства, рассматривая его как «совокупность структур знаний о мире» (с. 77). В общем когнитивном пространстве А.В. Нагорная выделяет особое когнитивное пространство интероцепции – «репозитарий когнитивных структур, которые формируются в сознании человека в процессе аккумулирования интероцептивного опыта» (с. 80).

К конституентам когнитивного пространства интероцепции автор относит когнитивные модели и когнитивные образы.

Основываясь на классификации Ф. Джонсона-Лэйрда, автор выделяет в когнитивном пространстве интероцепции пространственные, соотносительные, кинематические и каузативные модели.

Пространственная модель, как показывает автор, составляет основу для интерпретации всех интероцептивных феноменов. В рамках современной англоязычной культуры пространственная модель реализуется в «географической» и «контейнерной» трактовке внутреннего тела. В первом случае внутреннее тело осмысляется как некоторая географическая область и описывается с помощью широкого спектра топографической лексики: my legs seemed two counties away from my brain (S. King) (букв. Казалось, что мои ноги находятся в двух графствах от моего мозга) (с. 88); The pain was east of the sun and south of his ears (S. King) (букв. Боль была к востоку от солнца и к югу от его ушей) (с. 88).

Во втором случае внутреннее тело распознается сознанием как трехмерная структура, внешней оболочкой которой служит кожа, которая вложена во внешнее тело, выступающее по отношению к нему в качестве контейнера: his stomach seemed to stand up

and spin against his skin (F.G. Leebron) (букв. казалось, что его желудок встал и закружился, отталкиваясь от кожи) (с. 89).

Соотносительная модель строится на основе аналогии с определенными объектами реального мира – физического или социального. К соотносительным автор относит следующие модели:

«тело – дом»: Frank Jewett felt a horrible sinking sensation in the pit of his belly. It felt like an elevator out of control (S. King) (букв. Фрэнк Джеветт почувствовал, как что-то падает у него в животе. Ощущение было такое, будто лифт вышел из-под контроля) (с. 101). Автор описывает также модификацию этой модели – «тело – крепость»: HIV attacks the body immune system, invades the T-cells, batters the body defenses (BNC) (букв. ВИЧ атакует иммунную систему тела, вторгается в Т-клетки, громит защитные механизмы тела) (с. 100);

«тело – машина»: Alan's heartbeat kicked into a higher gear (S. King) (букв. Пульс у Алана переключился на следующую передачу) (с. 106) и ее модификация «тело – фабрика»: the body generates heat, processes hundreds of drugs, manufactures insulin (букв. тело генерирует тепло, перерабатывает сотни лекарств, производит инсулин) (с. 105);

«тело – биологический организм»: You feel like you're starting to rot away (B. Aiken) (букв. Ты чувствуешь себя так, будто начинаешь гнить) (с. 109);

«тело – социум»: The brain's the boss... supposedly. Currently though, some of your body parts are guilty of insubordination. In fact, the entire left side of your body now refuses to take orders from the boss. The boss is giving orders, but no one on the left side is listening. They've quit their jobs (J.F. Garrison) (букв. Мозг – это, предположим, начальник. В настоящее время, однако, некоторые из частей вашего тела отказываются ему подчиняться. На самом деле, вся левая сторона вашего тела отказывается принимать приказы от начальника. Начальник отдает приказы, но никто с левой стороны не слушает его. Они все побросали свою работу) (с. 110);

«тело – компаньон»: «traitor hands» (S. King) (букв. руки-предатели) (с. 112).

Наиболее продуктивной для осмысления сферы интероцепции автор считает модель кинематическую, которая «репрезентирует изменение отображаемых сущностей и совершаемые ими движения» (с. 112).

Автор подчеркивает, что «центральное место кинематической модели в когнитивном пространстве интероцепции согласуется с тезисом о важности телесного опыта движения в процессе осмыслиения реальности», (с. 113) и ссылается на М. Шитс-Джонстон, которая называет движение «эпистемологическими вратами в мир объектов». Кинематическая модель позволяет осмыслить ощущение как относительно самостоятельное явление, не требуя комплексной привязки к образу внутреннего тела. Кроме того, она «в определенном смысле обеспечивает унификацию телесного опыта, объединяя внешнее и внутреннее тело в единое экспериенциальное пространство и подчиняя их общей моторной логике» (с. 113). Кинематическая модель обладает и большей гибкостью по сравнению с соотносительными, предоставляя больше возможностей для экспериментирования как с выбором типа движения, так и с выбором верbalных средств его презентации (Some guy pole-vaulted in my stomach. He dug is pole all the way into my balls, it felt like, and ended up sitting astride my heart (S. King) – букв. Какой-то парень совершил прыжок с шестом у меня в животе. Ощущение было такое, будто он воткнул свой шест мне в самые яйца, а в конце оказался сидящим верхом на моем сердце (с. 115)). Автор указывает и на то обстоятельство, что кинематическая модель допускает экстерiorизацию не только вербальными, но и жестовыми средствами, что оказывается особенно ценным в ситуациях, когда перципиент затрудняется с выбором слова для описания своего ощущения.

Каузативная модель строится на основе кинематической и репрезентирует причинно-следственные отношения между отображаемыми событиями. Эта модель, по мнению автора, оказывается наиболее релевантной «для осмыслиения тех интероцептивных ощущений, которые связаны с действием определенных эмоциогенных факторов» (с. 117). В рамках каузативной модели эмоция предстает как причина возникновения определенного интероцептивного ощущения: Her anger caused his heart to beat even harder (A. Stevens) (букв. Ее злость заставила ее сердце биться еще чаще) (с. 119).

К конституентам когнитивного пространства интероцепции автор относит и когнитивные образы, определяя их как «субъективное воспроизведение ощущения или восприятия при отсутствии адекватного сенсорного воздействия» (с. 122).

В когнитивном пространстве интероцепции автор обнаруживает образы всех чувственных модальностей:

тактильной: There was a cold sensation throughout my body, particularly along the joints (J. O'Connell) (букв. У меня во всем теле было холодное ощущение, особенно в суставах) (с. 125); Low in my body I feel something I must imagine: a tingling, gritty sensation (S. Finnimore) (букв. Внизу тела я чувствую что-то, что мне, должно быть, только кажется: покалывающее, шершавое ощущение) (с. 126);

зрительной: Red pain exploded within (M. Swanwick) (букв. Красная боль взорвалась внутри меня) (с. 129);

слуховой: His stomach roared with hunger (F. Goldman) (букв. Его желудок зарычал от голода) (с. 135);

обонятельной и вкусовой: I had the feeling of something going sour in my stomach (V.D. Woodbrown) (букв. У меня было такое чувство, будто что-то прокисает в моем желудке) (с. 138).

Автор объясняет наличие в когнитивном пространстве множества концептуальных структур разных типов феноменологической спецификой интероцептивных ощущений, которые в силу своей неверифицируемости не требуют одной-единственной, «правильной», «канонической» трактовки и допускают множество альтернативных интерпретаций.

А.В. Нагорная подчеркивает, что различные когнитивные структуры не существуют изолированно. Они могут образовывать иерархические структуры, в которых одна модель входит в другую, а также комбинироваться друг с другом. Интероцептивный опыт может последовательно осмысляться в рамках одной модели либо требовать создания бленда, совмещающего несколько когнитивных структур или их элементов. Этот процесс лежит в основе формирования смешанной метафоры, которая, как поясняет автор, не создает эффекта концептуальной какофонии именно потому, что комбинируемые в ней элементы являются частью одного концептуального пространства и рассматриваются как альтернативные, одинаково валидные прочтения интероцептивного ощущения: His head throbbed like a tomato full of hot, expanding blood (S. King) (букв. Его голова пульсировала, как томат, наполненный горячей, расширяющейся кровью) (с. 142).

Автор подчеркивает, что, предоставляемый широкий спектр возможностей, коллективное когнитивное пространство интероцеп-

ции одновременно служит ограничителем в выборе способов осмыслиения и средств вербализации инteroцептивного опыта, и человек, за редким исключением, оказывается не в состоянии преодолеть форматирующее влияние культуры.

Реконструировав на основе языковых фактов когнитивное пространство инteroцепции в современной англоязычной лингвокультуре, автор переходит к рассмотрению тех лексических и синтаксических средств, которые это пространство репрезентируют.

В главе третьей описываются основные лексические средства, используемые при артикуляции инteroцептивного опыта в современном английском языке. Автор доказывает, что главной особенностью словаря инteroцепции является его метафорический характер, и определяет основные функции метафоры в инteroцептивном дискурсе: 1) метафора объективирует ощущение, придает ему реальность, выступает как механизм миропорождения; 2) метафора структурирует инteroцептивный опыт, придавая ему структуру, форму и цель; 3) метафора дает возможность коммуникации инteroцептивного опыта; 4) «Связывая внутрителесное с внешнетелесным, метафора обеспечивает континуальность телесного опыта, препятствуя его дроблению на самостоятельные, несоприкасающиеся и несовместимые фрагменты» (с. 159); 5) метафора является концептуальным механизмом, обеспечивающим формирование когнитивных моделей инteroцептивных ощущений.

Автор рассматривает основные экспериенциальные домены, которые служат источником проекции на область инteroцептивных ощущений в рамках современной англоязычной лингвокультуры.

Первым из них является экстероцептивное взаимодействие с окружающей средой. В его структуре автор выделяет несколько субдоменов:

«орудия» (объединяющий собственно орудия и оружие): He felt as if a hundred knives were digging into his lower back (COCA) (букв. Он чувствовал себя так, словно сотни ножей втыкались ему в поясницу) (с. 164); She felt as if a blade had pierced her heart (I. Goldstein) (букв. Она чувствовала себя так, словно лезвие пронзило ее сердце) (с. 163); Her heart was jackhammering wildly in her throat (S. King) (букв. Ее сердце дико стучало, словно отбойный молоток, у нее в горле) (с. 167);

«живые существа»: His heart kicked in his chest (R. Morgan) (букв. Его сердце пиналось у него в груди) (с. 170); The pain bit

sharply again in his chest (B. Plain) (букв. Боль снова сильно укусила его грудь) (с. 171); Hunger gnawed at her stomach (E.J. Stone) (букв. Голод грыз ее желудок) (с. 171);

«природные явления»: But then he felt thunder in his chest (F. Ackerman) (букв. А затем он почувствовал гром у себя в груди) (с. 176); a fresh cramp moved into her side like a storm-front (S. King) (букв. Свежая судорога вошла ей в бок, словно буря); Pain erupts in my chest (W.J. Williams) (букв. Боль извергается у меня в груди) (с. 178).

Автор показывает, что лексические единицы, репрезентирующие каждый из этих субдоменов, достаточно многочисленны и предоставляют множество альтернативных возможностей для концептуализации интероценттивного ощущения, позволяя помещать в фокус внимания его качественные характеристики, пространственность, степень интенсивности, временные параметры, последствия для физического благополучия перципиента и др.

Вторым источником метафорических проекций на область интероцепции автор считает опыт движения в пространстве. Этот домен представлен главным образом глагольной лексикой и производными от нее единицами субстантивной семантики. По мнению автора, глаголы движения обладают значительной семантической емкостью. Они способны имплицировать геометрические параметры пространства, в котором осуществляется перемещение (вертикально / горизонтально ориентированное, открытое / замкнутое и т.д.), его субстанциональные свойства (тип среды: воздушная / водная), морфологические характеристики перемещающегося объекта (живой / неживой) и др. Автор подчеркивает, что данные семантические свойства глаголов, не относясь к числу салIENTНЫХ, тем не менее заслуживают внимания, поскольку их анализ позволяет составить более полное представление о том, как человек осмыслияет ненаблюданное внутреннее тело.

Наиболее релевантными и выраженнымми признаками глаголов в интероценттивном дискурсе автор считает направление движения и способ движения. Глаголы, профилирующие направление движения, представлены в интероценттивном дискурсе единицами, обозначающими перемещение по вертикали (rise, jump, soar, drop, fall, sink и др.) либо по горизонтали за счет отклонения от исходного положения (lurch, tilt). Глаголы, кодирующие способ движения, образуют более многочисленную и разнородную в семантическом отношении группу, в составе которой автором были выделены и

описаны следующие подгруппы: глаголы, профилирующие траекторию (to turn, to roll, to flip, to spin, to swirl); глаголы, профилирующие скорость движения (to run, to race, to gallop, to bolt, etc.); глаголы, профилирующие вес (to pound, to trip); глаголы, обозначающее движение, осуществляемое с нарушением кинетической нормы (to skitter, to stumble, to recoil, etc.); глаголы, обозначающее поспешное движение (to hustle, to hurry); глаголы, обозначающие движение, сопровождаемое звуком (to rattle).

Автор отмечает, что основу метафорической проекции на область инteroцепции может составить и собственно телесное ощущение или симптом в том случае, если оно обладает физиологической универсальностью и является частью обязательного телесного опыта человека как биологического вида (toothache, itch, scratch, swollen bladder, etc.): His back throbbed like a bad tooth (S. King) (букв. Его спина пульсировала, как гнилой зуб) (с. 215); It just hurts all over, like a rash inside your body (T. Pierce) (букв. Просто все болит, как будто у вас сыпь внутри тела) (с. 218).

Автор отмечает, что некоторые единицы прошли процесс конвенционализации в инteroцептивном дискурсе и были зафиксированы в соответствующих инteroцептивных значениях в лексикографических источниках (jump, lurch, tilt, gnaw, etc.). По наблюдениям автора, конвенционализация часто сопровождается частичной десемантизацией с утратой некоторых релевантных для идентификации слова сем. Так, у глаголов *jump* и *leap* нейтрализуются признаки «вектор движения» и «способ движения», и с их помощью может обозначаться любое изменение кардиоритма. Автор показывает, однако, что связь с исходным экспериенциальным доменом сохраняется и может быть доказана посредством подбора синтаксически расширенного варианта высказывания, в котором осуществляется дополнительная экспликация образа в сравнении: My heart leaps like a doe in the forest (P. Conroy) (букв. Мое сердце скачет, как лань в лесу) (с. 185).

Автор исследует динамические процессы, характерные для словаря инteroцептивных ощущений. Он описывает исторические изменения в словаре и определяет факторы, способствующие его эволюции. Кроме того, в работе исследуется проблема индивидуальной вариативности в использовании средств словесного выражения инteroцептивных ощущений и вводится понятие «инteroцептивный идиолект», под которым понимаются «устойчивые

индивидуальные предпочтения в тематике метафор; различия в семантическом разнообразии репрезентирующих эти метафоры лексических единиц; удельный вес конвенциональных форм в общем словаре; различия в способах комбинирования метафор, а также способах их синтаксического оформления и другие характеристики» (с. 230). Автор подробно анализирует инteroцептивный идиолект С. Кинга и У. Стайрона, инвентаризует используемые ими лексические единицы и реконструирует репрезентируемые этими единицами когнитивные структуры, показывает системный характер их идиолектов и их обусловленность рамками англоязычной лингвокультуры.

Глава четвертая работы посвящена изучению синтаксических структур, которые используются при вербализации инteroцептивного опыта.

Автор исходит из того, что синтаксическая структура выскаживания информативна, и пытается определить, какая именно часть смысловой нагрузки приходится на синтаксис.

А.В. Нагорная приходит к выводу, что, структурируя субъективный инteroцептивный опыт, синтаксис выполняет ряд функций общего и частного порядка. К числу общих функций она относит способность синтаксических конструкций отражать модус переживания телесности – «отношение к собственному телу, которое возникает у перципиента в той или иной соматической ситуации и выражается в интерпретации соматических событий как происходящих либо с самим перципиентом, либо с его телом» (с. 243).

Проведенный автором анализ языковых фактов показывает, что философская контрверза «быть телом» и «иметь тело» должна разрешаться диалектически, поскольку языковые (синтаксические) средства номинации ощущения охватывают весь спектр возможных модусов восприятия тела: от полного отождествления с ним (полюс «Я есть тело») до противопоставления себя ему (крайняя точка полюса «У меня есть тело»). Телесный опыт имеет континуальный характер с наличием множества промежуточных звеньев между указанными полюсами. На языковом уровне эта континуальность репрезентируется наличием как прототипических синтаксических конструкций тождества и посессивности, так и их многочисленных модификаций, в которых производится профилирование или дефокусирование субъекта-перципиента. По наблюдениям автора, модус «Я есть тело» оказывается наиболее востре-

бованным при вербализации генерализованных ощущений («валовых чувств». – И.М. Сеченов) (*I am tired* – Я устал), в то время как модус «У меня есть тело» актуализируется при описании локализованных ощущений (*My stomach is twisting* – букв. Мой желудок скручивается).

К другим семантическим функциям синтаксической организации высказывания автор относит способность отражать субъективный характер переживания инteroцептивного ощущения посредством конструирования модуса кажимости, презентировать ощущение как знакомое (классическая структура метафоры *A is B*: *My heart was a triphammer*) либо как ранее не испытанное и плохо отрефлексированное (структура сравнения *A is like B*: *My heart was like a triphammer*); а также поддерживать когнитивную модель внутреннего тела (*My body and I aren't speaking at the present time. We aren't on speaking terms. I don't trust my body* (C. Fisher) (с. 280) – модель «тело – компаньон»).

Таким образом, данная монография представляет собой системное описание ранее не изученного фрагмента языковой действительности современной англоязычной лингвокультуры и лежащих в его основе концептуальных структур, презентируемых как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях. Автор подчеркивает, что содержащиеся в работе положения, подходы и алгоритмы анализа могут найти применение при изучении других лингвокультур.

Основными результатами своей работы, которые представляют ценность не только для лингвистики, но и для гуманитарных исследований перцепции в целом, автор считает два доказанных положения: 1) «невыразимость» инteroцептивного ощущения, о которой пишут многие психологи, есть не более чем предубеждение. Английский язык располагает богатым и разнообразным арсеналом средств для вербализации инteroцептивного опыта, и скучность языка есть не более чем скучность идиолекта и 2) неограниченная свобода индивида в выборе средств вербализации инteroцептивного опыта есть миф, поскольку индивидуальные способы словесного выражения ощущений неизбежно обусловлены структурно-содержательными особенностями инteroцептивного концептуария той культуры, в которой воспитывался человек.

Э.Б. Яковлева